

ИМПЕРИЯ
АЕЦИИ

Горы Валикхор

Лес Дозвлатеня

Хавирск

Горы Байкка

Монастырь

Рудня

Волдога

Улзнячя

Комязалов

КАЛАЗИН

Тобальск

Фарисен

Рависан

Горы
Талнидеш

Куораз

Бакуту

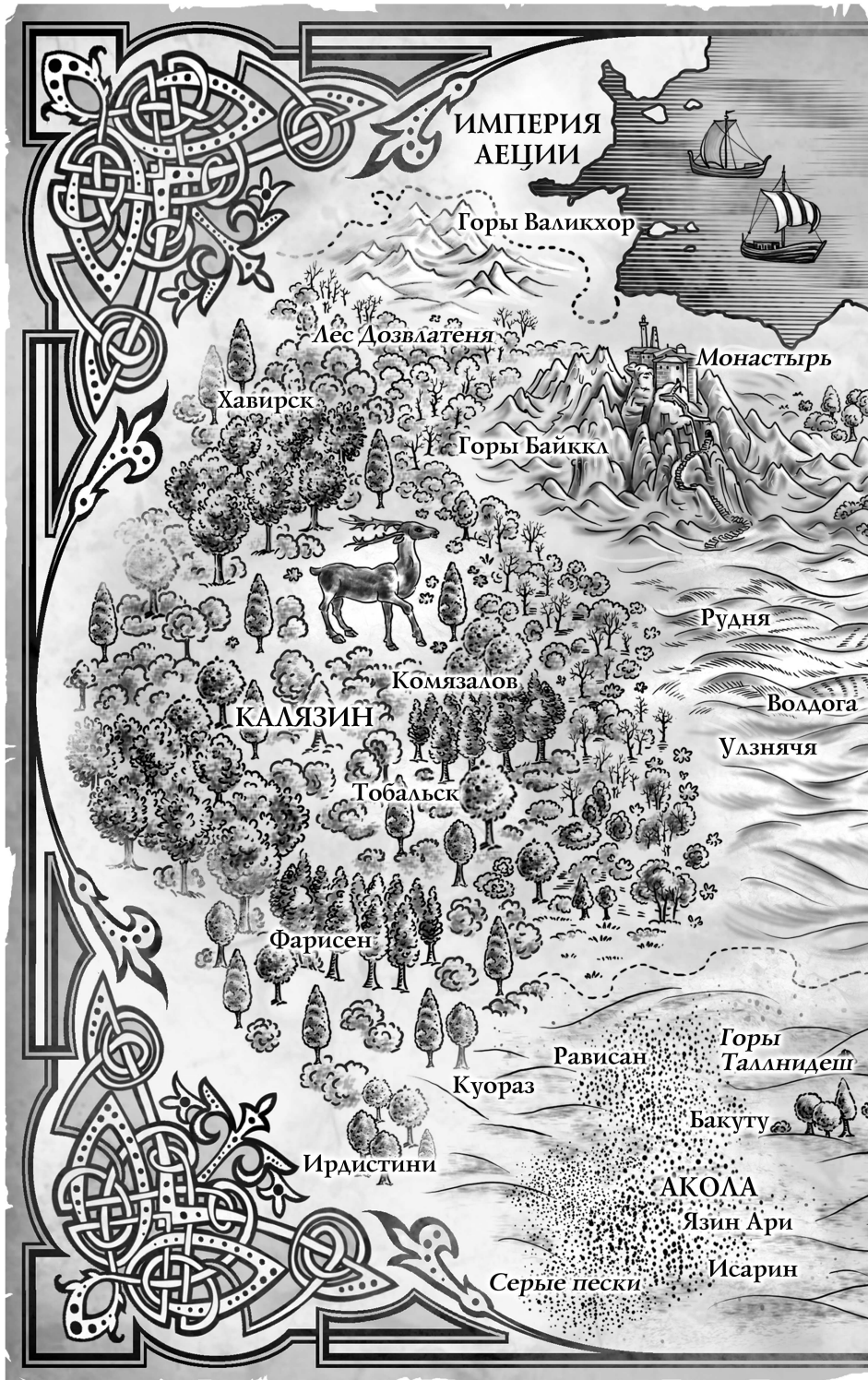
Ирдистини

АКОЛА

Язин Ари

Исарин

Серые пески





Пролог

МАЛЬЧИК, КОТОРОГО ПОГЛОТИЛ ЛЕС

Это была ошибка.

Рашид остался в полном одиночестве посреди леса, который следил, затягивал в свои сети и делал все возможное, чтобы разорвать его на части. В голове юноши крутилась лишь одна мысль: «Это было ошибкой».

«Не переживай, лесу нужны только те, кто обладает магией», — говорила Надя, не отрывая взгляда от Малахии. Рашид не хотел даже думать о том, что именно означал ее тон, когда она произносила эти слова.

Это было ошибкой.

Он похоронил это воспоминание глубоко внутри себя — потускневшее, но не забытое, — что стало еще одной ошибкой. Теперь было уже слишком поздно сожалеть о принятых решениях. Слишком поздно ругать себя за то, что не пошел по другому пути. Когда Париджахан разбудила его посреди ночи и сказала, что они должны бежать, ему следовало сказать «нет». Если бы Рашид знал,



к чему приведут все эти политические интриги, если бы оставался тем, кем ему и следовало быть: охранником и пленником. Эти проклятые «если бы» расплелись, как паутина, сотнями тысяч разных вариантов. Выбери он любой другой, и его бы здесь могло не оказаться, а то, что было заперто в самом темном углу его сознания, не пробудилось бы от многолетнего сна.

Он продолжал идти вперед, прислушиваясь к хрусту веток под подошвами сапог, и жалел, что у него нет факела или какого-нибудь самодовольного мага крови, который зажег бы в воздухе яркие огни. На мгновение он практически коснулся этой спящей силы, но резко передумал.

Никакой магии. Он — никто. Стражник, пленник, мальчишка из пустыни, потерянный и беспомощный.

Если он останавливался хотя бы на секунду, лианы опутывали его ноги, нашептывая, что ему лучше остаться здесь. Разве ему не хочется узнать, что живет у него под кожей и так отчаянно пытается вырваться наружу?

Рашид разрубал лианы и продолжал идти вперед. Нет, нет и нет. Деревья — массивные и колоссально высокие, как восемнадцать колонн храма, где его прятали в детстве, — все настойчивее преграждали ему дорогу. Между ними уже почти не оставалось свободного пространства, и он понимал, что скоро окажется в ловушке. Видимо, ему суждено умереть здесь.

А Рашид хотел умереть под лучами солнца.

Он вздрогнул, почувствовав скользнувший под кожей предплечья холодок. Юноша слотнул желчь, когда что-то зеленое и похожее на червя вырвалось наружу, рассекая его кожу. Он моргнул. Стебель. На нем вспыхнули распутившиеся пунцовые, багряные и бледно-сиреневые цветы, с которых капала кровь.

Рашид с трудом сдержал крик, готовый вырваться из его горла.

Хруст. Обернувшись, юноша столкнулся лицом к лицу с существом, которое не мог определить сразу. Он ничего не знал о калязинских монстрах, но этот был ему знаком. Чудовище горбилось, словно стесняясь выпрямиться во весь рост. На человекоподобных руках росли длинные когти, а ноги заменяли олени копыта. Голова напоминала олений череп, если бы у оленя было так много... зубов. С его рогов свисали зловонные, гниющие цветы, кишашие червями.

Ох. Теперь он вспомнил нужное слово.

Леший. Страж леса. Надя часто любила угрожать оставить их всех лешему, утверждая, что им управляет один из ее богов.

Рашид не мог представить ни одного бога, повелевающего этим существом. Оно и само походило на какое-нибудь древнее божество. Но у него было очень смутное представление о том, кого калязинцы считали богами.

Сделав шаг назад, он уперся в ствол дерева. Лес окружил его глухой стеной. Бежать некуда. Он прижался к дереву.

Некогда спящие, забытые слова царапали ему горло. Они казались странными, неправильными и необъяснимыми, но все же они накрепко отпечатались в его сознании.

Спасение не придет. Его судьба решена.

«Лес поглощает только тех, кто обладает магией».

Лес проглотит каждого из их проклятой компании, а затем настанет черед всего остального мира. Потому что они освободили его из заточения и он страшно проголодался.



1

МАЛАХИЯ ЧЕХОВИЧ

«На краю вселенной звучит музыка. Песни Чирного пробираются в голову, подобно личинкам, которые медленно пожирают сознание. Ведь ослабленная жертва не может сопротивляться».

Волхожников

Малахия Чехович очнулся посреди окровавленного снега. Холод смерти иглой пронзал его до самых костей, и он лежал неподвижно, закрыв глаза. Лед пропитывал последние лохмотья, оставшиеся от одежды, пока кожа не начала гореть.

Наконец могильный холод отступил, сменившись обычным морозным воздухом, и Малахия вздрогнул, пытаясь прийти в себя. Неужели он?..

Да.

Он умер. Его последним воспоминанием была Надя. Истратив все силы, она хваталась за него,

пока по ее щекам текли слезы вперемишку с кровью. А затем наступила тьма. Но не покой.

Малахия боялся шевельнуться, боялся потревожить эту напряженную тишину, которая утонула его за собой. Он не должен был дышать.

Он надеялся, что его пальцы почернели от магии, а не от холода. Малахия спрятал свои железные когти и чуть не вскрикнул от облегчения, потому что все еще мог это сделать. Он не чувствовал себя самым собой, но для него это было привычное состояние.

Здесь он и встретит свою смерть.

Вспомнив, что уже мертв, Малахия моргнул и дотронулся до раны на груди. Она не кровоточила, но на ее месте совершенно точно зияла дыра, ведущая прямо к сердцу.

Он не должен был выжить.

На краю его сознания все еще звучали отголоски запредельного, но он не был готов вернуться в то состояние. Оказалось, что приобретение божественности похоже на лотерею, и хаос — не самый приятный приз. Каким бы сладким ни было предвкушение безграничной власти, боль в костях, которые ломались и меняли свою форму, стремясь прорваться сквозь кожу, ощущалась слишком ярко. Если бы Малахия надавил — совсем чуть-чуть, — то мог бы почувствовать, как становится чем-то большим. Он понимал, что уже подошел к самому краю и следующий шаг приведет к падению, но все же ему хотелось как можно дольше сохранять иллюзорное чувство контроля.

Он убил всего лишь одного бога. Впереди еще столько работы.

«Ну что ж, мальчик», — в сознание Малахии просочился ужающий голос. У него в глазах потемнело,

и из виду исчезли блеклые заснеженные горы с их бесконечной белизной. Не осталось ничего, кроме тьмы.

Малахию было сложно напугать. Он знал все о кошмарах и хаосе. Ему было знакомо ощущение горящих углей на коже, острых иголок под ногтями, живых теней, которые разрывали его на части и собирали заново, создавая что-то новое, что-то неправильное. Он знал, что такое боль. Знал, что такое хаос. Он сам был хаосом.

Но по сравнению с этим хаос казался чем-то мелким и даже рациональным. Это была совокупность всех ужасов мира, превращенная в нечто еще более страшное. Простые, незначительные слова, прозвучавшие из ниоткуда, сковали его запястья и затянулись на шее тугим ошейником. Или обещанием.

«Что ж, — ответил Малахия, стараясь показать Черного Стервятника, а не испуганного мальчишку, — тебе здесь не рады».

Это был неверный ход, и голос лишь мерзко рассмеялся в ответ. Кромешную темноту в его глазах озарили белые вспышки боли. Он был так молод против того, что овладело им.

«Я устал от смертных, которые думают, что могут мне противостоять, — сказал голос. — Я так долго тебя ждал. Но для этого еще будет время. У нас будет время для всего на свете, и особенно для того, чего хочу я. Но сперва нам с тобой нужно познакомиться».

Сердце Малахии билось так быстро, что, ему казалось, оно вот-вот не выдержит напряжения и остановится навсегда. По крайней мере, его смерть остановила бы этот кошмар.

«Тогда ты должен назвать мне свое имя».

«Заслужи это».

Малахия не знал, как ему удалось спуститься с горы. Он стоял возле странной церкви, чувствуя, как каждая клеточка тела разрывается от боли, а лес поглощает его изнутри.

Он привык, что его зрение рассредотачивается каждый раз, когда на теле открываются новые глаза. Привык к вечному непостоянству хаоса. Но эта боль была совсем иной, и ему ничего не оставалось, кроме как стиснуть зубы и терпеть.

Церковь была деревянной, хотя раньше ему казалось, что она построена из камня. Малахии хотелось укрыться от ветра, почувствовать хоть что-то, кроме обжигающего холода. Дверь легко открылась от его прикосновения. Он закрыл ее за собой и с наслаждением погрузился в тишину.

Пол, стены и старые иконы покрывал мох. Малахия чувствовал, как лес цепляется за его истощенное сознание, пытается разорвать его на части, ни на секунду не прекращая высасывать из него остаток сил. Он пересек коридор и закрыл дверь на лестницу, ведущую к колодцу. Ему не хотелось думать о том, что сделала Надя. Кости громко хрустели под подошвами его сапог, пока он шел к святилищу. Он прошел мимо, надеясь найти комнату поменьше, чтобы свернуться в клубок и наконец-то согреться.

Может, ему уже никогда не удастся согреться.

Пробравшись сквозь гниющие растения и хрупкие кости, Малахия обнаружил небольшую комнату, судя по всему, предназначенную для смотрителя церкви. Он побросал в старую печь обломки мебели и потянулся к своей книге заклинаний, но ее не было на месте. Равно как и кинжала, который он много лет носил с собой. В один миг его охватило разочарование,